

Глава 24. <Экстра> Специальный выпуск к празднику Циси

В мире смертных снова настал праздник Циси. Лун Юй, сидя у окна дворца Мими, наблюдал за всеобщей суетой и невольно тяжело вздохнул.

В Преисподней время Циси совпадало с открытием Призрачного рынка в середине седьмого месяца. Подготовка к нему началась загодя. Пока Фань Е была маленькой, всё было проще: Лун Юй мог забрать её в мир людей и вволю там погулять. Но теперь дочь выросла и сама взяла на себя управление рыночными лавками. За месяц до праздника она погрузилась в дела с головой, и у неё совершенно не оставалось времени на отца. В детстве её было легко уговорить, а теперь она сама похлопывала его по плечу и наставительно говорила: «Папочка, будь умницей, не мешай».

Ну и вредный же ребёнок!

Яи тоже был занят — Лун Юй не видел его уже несколько дней. Он недовольно надул губы. Какая скука! Ему так хотелось поныть с каким-нибудь милым малышом, но почему это оказалось так сложно?

Постойте! Милым?

Он лукаво прищурился. Есть ли во всей Преисподней кто-то очаровательнее Туань-эр, его невестки?

Если посчитать по дням, он уже давненько не «сбегал из дома». Решено!

Лун Юй немедленно перешёл к действию. Достав из шкафчика маленький флакон, он хитро, с долей предвкушения, улыбнулся.

Вскоре на столе появилось блюдо с нежными пирожными — «Красная слива на снегу». Лепестки красной сливы, замешанные на талой воде и молоке, были залиты в формы в виде цветков. Накрытые крышкой и приготовленные на пару, они стали мягкими и воздушными. Лун Юй перевернул их на блюде: белоснежное тесто с вкраплениями ярко-алого цвета, политое сверху ароматным мёдом. Туань-эр ещё не успела попробовать, а уже замерла, вдыхая этот запах.

— Папочка! Что это за вкуснятина? — Туань-эр удивленно захлопала ресницами.

— «Красная слива на снегу», — ответил Лун Юй, чувствуя, как внутри всё тает от её милого вида. — Папа приготовил всего одну порцию, только для тебя. Даже Фань Е не досталось. — Он заговорщицки подмигнул и понизил голос.

Туань-эр просияла. Она восторженно выдохнула:

— Папочка — самый лучший!

— Ешь скорее, пока тёплое. Остынет — станет твёрдым, — Лун Юй с улыбкой наблюдал за ней.

— Угу! — Малышка послушно кивнула, зачерпнула ложечкой кусочек и отправила в рот. Вкус оказался тонким: ледяная свежесть снега, лёгкая горчинка сливы и сладость мёда. Слои вкусов переплелись, создавая нечто невероятное.

Маленькая порция быстро закончилась. Туань-эр с задумчивым и слегка обиженным видом прикусила ложечку. Как же вкусно! Но почему так мало?

Не успела она додумать эту мысль, как почувствовала, что веки тяжелеют, и её голова опустилась на стол.

Лун Юй коварно усмехнулся. Получилось!

Настроение Сы Чэня в этот момент было не просто скверным — оно было хуже некуда. Он едва успел вернуться пораньше, как увидел собственными глазами, как его отец... родной отец! Схватив его жену, открыл «портал» и покинул Преисподнюю.

Сы Чэнь всегда считал, что даже если отец унаследовал пагубную привычку всех Миньхоу — сбегать из дома, — то страдать от этого должен Владыка, его отец. Но никак не он! А в итоге? Папаша оказался до крайности коварен — он похитил невестку и скрылся!

Папа! Ну что вы опять творите?!

Узнав об очередном побеге Лун Юя, Яи даже не изменился в лице — видимо, привык. Однако, услышав, что тот прихватил с собой Туань-эр, он мгновенно потерял самообладание. Это же папахивает настоящим похищением! Сбегать из дома — ладно, но красть чужих жён — это уже слишком! Дорогой, ты что, меня больше не любишь? Совсем-совсем?

Впрочем, отец и сын сохранили остатки благоразумия и не бросились друг на друга. Поразмыслив, почему Лун Юй взял именно Туань-эр, они внезапно осознали: сегодня же Циси! Разъярённые родственники в едином порыве вцепились в уши Фань Е: «Это всё ты виновата! Не могла отца как следует задобрить!»

Фань Е, потирая покрасневшие уши, присела на корточки: «Все меня только и делают, что обижают. Вот пойду и папочке пожалуюсь!»

Мир людей. Континент Линлун. Здесь праздник Циси называли Цицяо — Днём Искусности. В этот день в каждой семье, где были дочери, им шили новые платья, украшали их лентами и поклонялись богине Луны, прося для девочек ловкости и мастерства. Храмовые ярмарки шумели с рассвета до глубокой ночи, и родители не гнали детей спать пораньше. Те, у кого были дочери, выводили их в свет, а остальные брали сыновей просто за компанию.

Когда Туань-эр очнулась, она увидела, что пейзаж перед глазами стремительно уносится назад. Протерев глаза, она обнаружила, что лежит на плече у Лун Юя. На плече! Она устала на свои крошечные ручки, потом на своего красавца-папочку... И всё сразу поняла! Папа опоил её зельем и превратил в ребёнка!

Малышка уже собиралась надуться и выразить протест, как в рот ей запихнули кусочек сладкого арахисового грильяжа. Слова возмущения застряли в горле, она успокоилась и радостно прищурилась.

— Вкусно? — с улыбкой спросил Лун Юй.

— Очень! — пролепетала она нежным, детским голоском. От такой милоты сердце любого готово было затрепетать.

— Хозяин, взвесьте полкило, — махнул рукой Лун Юй.

— Сию минуту! — Лавочник, глядя на эту пару — неопишуемого красавца и очаровательную кроху, — расщедрился и накинул ещё граммов сто сверху.

Лун Юй расплатился и, неся Туань-эр на одной руке, а сладости в другой, зашагал по улице, заставляя прохожих оборачиваться.

Одетый в белоснежные одежды, Лун Юй подвязал волосы пурпурной нефритовой короной. На его золотистом поясе висела подвеска из чёрного нефрита с искусной резьбой в виде змеи, которая издали напоминала цветок. В руках он держал Туань-эр, наряженную в нежно-голубое платьице. Волосы малышки были собраны в два пучка-колечка и украшены парой красных нефритовых колокольчиков. На пухлом детском личике, между бровей, красовалась нарисованная маленькая слива. Её ручки были обвиты девятицветными лентами с самоцветами, а на шее красовалась золотая гривна с замком из зелёного и чёрного нефрита. На ножках — красные башмачки, украшенные белыми нефритовыми пластинками в форме «жуи». Сразу было видно — дитя из очень богатой семьи.

Говорят, сыновей нужно растить в строгости, а дочерей — в роскоши. Но такого богатства даже на континенте Линлун видели немного — нефрит здесь был редкостью. Многие решили, что это какой-то князь вышел на прогулку со своей маленькой дочерью.

На этом континенте было мало нефрита, зато золота — в избытке. Туань-эр приглянулась маленькая золотая куколка размером с её ладонь, выполненная очень искусно. Лун Юй, не

раздумывая, купил её. Чем дальше они шли, тем больше вещей он скупал — стоило Туань-эр только посмотреть. Он был невероятно щедр и столь же расточителен. Туань-эр уже и забыла, кто её настоящий отец; кажется, никто и никогда её так не баловал. Она обнимала Лун Юя за шею и всю капризничала — всё равно она сейчас ребёнок, не стыдно!

Расточительство Лун Юя не прекратилось даже тогда, когда Яи вместе с сыном и дочерью наконец нагнали их. Напротив, он просто спихнул все свертки и коробки этой троице и, даже не оглянувшись, потащил Туань-эр дальше, полностью игнорируя преследователей.

Сы Чэнь попытался было забрать жену на руки, но Лун Юй шлёпнул его по руке и одарил тяжёлым взглядом. Сы Чэнь жалобно посмотрел на Туань-эр, но та, наслаждаясь объятиями свёкра, отвернулась, делая вид, что ничего не замечает. У бедного мужа сердце готово было разорваться. Фань Е попыталась вставить словечко, чтобы разрядить обстановку, но Лун Юй холодно глянул на неё и фыркнул: «Фань Е, будь умницей, не мешай». Он вернул ей её же слова. Фань Е закрыла лицо руками — кажется, она окончательно впала в немилость! Папочка её больше не любит!

Только Яи не проронил ни слова. Он просто шёл рядом с Лун Юем: что бы тот ни покупал, Владыка молча доставал серебро. Вещи же тащили плетущиеся сзади дети. Со стороны казалось, что впереди идёт счастливое семейство, а позади — слуга и служанка.

— Папочка, тот кошелёк такой красивый! — Туань-эр ткнула пальчиком в лавку с вышивкой.

Ей приглянулся жёлтый кошелёк в форме «жуи» с тремя золотыми колокольчиками и вышитой пухлой сорокой.

— Сколько стоит? — прямо спросил Лун Юй. Пожилая лавочница давно заприметила эту компанию и была польщена вниманием такой знати.

— Три ляна. Колокольчики из чистого золота, — цена была завышена, но вещь стоящая.

— Беру, — Лун Юй тут же привязал обновку к поясу Туань-эр, а потом, подумав, насыпал внутрь несколько нефритовых бусин для веса.

В детстве Чжэнь Яо всегда так делала — говорила, что пустой кошелёк не удержит богатство, нужно что-то положить внутрь, чтобы «придавить» удачу.

— И это добавьте, — Яи выбрал кошелёк для взрослых: тёмно-синий, с вышитой золотой рыбой. Простой и изящный.

— Этот пять лянов, — нерешительно произнесла женщина. Кошелёк пролежал весь день, так как цвет казался мрачноватым, но вышивка была золотой нитью по лучшему шёлку.

— Сдачи не надо, — Яи бросил десятиляновый слиток. Стоящие позади сын и дочь лишь обменялись многозначительными взглядами. Их отец был не менее расточителен!

Яи привязал кошелек к поясу Лун Юя, достал «Кубок Сердца» и аккуратно вложил его внутрь. Лун Юй удивлённо посмотрел на него, а Владыка, приблизившись к его уху, прошептал:

— Чтобы придавить твою удачу.

Лун Юй глянул на него, отвернулся, но едва заметно улыбнулся. Он боком повернулся к сыну, переложил Туань-эр в руки Сы Чэня — и плевать, сколько у того уже было вещей! — а затем, схватив Яи за подбородок, быстро поцеловал.

— Награда от молодого господина, — вызывающе бросил он.

— Благодарю за милость, господин, — ухмыльнулся Яи. Его игривый тон заставил Лун Юя негромко рассмеяться.

— Пошли, глянем, что там дальше. — Он взял Яи за руку и потащил вперёд.

Туань-эр захлопала ресницами и обхватила Сы Чэня за шею:

— Скверный даос, я проголодалась! — Она уже сто лет не называла его так.

— Прожора, — со смехом отозвался Сы Чэнь, убрал все вещи в пространственное кольцо и покрепче прижал жену. — Чего желаешь?

Туань-эр принялась загибать пальчики, перечисляя блюда, словно читала меню в ресторане, а Сы Чэнь слушал её, не переставая улыбаться.

Фань Е посмотрела на две пары, разошедшиеся в разные стороны. А ей-то за кем идти?

В конце концов, она тоже побросала всё в кольцо и отправилась гулять сама по себе. Вся в отца — стоило ей что-то увидеть, она тут же это покупала. Расточительность у них была семейной чертой.

Когда Лун Юй устал, он присел на перила моста, глядя на молодой месяц. Откинувшись назад, он привычно коснулся груди Яи.

— Давно мы так не праздновали вместе, — он имел в виду не только их двоих, а всю семью.

Чтобы вот так просто — отбросить дела и пойти гулять.

— Прости меня, дорогой, — Яи склонился и поцеловал его в лоб. — Прости, что заставил тебя скучать.

— И ты думаешь отделаться одним «прости»? — Лун Юй приподнял бровь.

— Я признаю вину и готов к любому наказанию. Исполню всё, что ни попросишь, — покорно отозвался Владыка. К слову, характер у него был не из лёгких — ни с детьми, ни с подданными он не церемонился. Только с Лун Юем.

— Поехали в мир смертных, — не задумываясь, выпалил тот, а потом хлопнул себя по лбу. — Ах да, ты же так занят, откуда у тебя время... Забудь.

Яи осторожно потёр место, по которому Лун Юй себя ударил. Там не было ни красноты, ни припухлости, но сердце его всё равно сжалось.

— Пустяки. У нас ведь есть Сы Чэнь и остальные. Сяо Сан присмотрит. На этот раз нагуляемся всласть!

Услышав это, Лун Юй расплылся в улыбке:

— Договорились!

И это «договорились» ознаменовало начало весьма непростых времён для Сы Чэня, Фань Е и Сяо Сана.

Циси — время просить об искусности. Время просить, чтобы мы с тобой никогда не разлучались в этой жизни.

<http://bllate.org/book/17533/1705252>